

Сергей Макаров

**АДВОКАТЫ.
БРАТСТВО
ВРАЖДЫ**

Сергей Макаров

Адвокаты. Братство вражды

«Автор»

2023

Макаров С.

Адвокаты. Братство вражды / С. Макаров — «Автор», 2023

Владимир и Виктор Синегоровы. Они - родные братья. Они оба - адвокаты. Они очень сильно похожи. И они - яростно ненавидят друг друга. Они соперничают. Являясь адвокатами, они стремятся опередить друг друга, соревнуясь в успешности практики. Ни одна их встреча не обходится без скандала. А уж когда они ведут одно судебное дело с разных сторон - то само дело становится скандальным. Может ли что-то примирить их? Или они зашли так далеко, что их ненависть неистребима даже при смертельной опасности для них? Об этом - роман «Адвокаты. Братство вражды», психологический детектив в реалиях современной адвокатской практики.

© Макаров С., 2023

© Автор, 2023

Сергей Макаров

Адвокаты. Братство вражды

Оборачивались, затихая, все работники и все посетители суда и, вслушивались, отставляя свои личные разговоры и споры. С двух соседних этажей – пятого и третьего – тоже было прекрасно слышно; можно было разобрать и со второго этажа, однако, некоторые граждане приходили с соседних этажей, чтобы не только слышать, но и видеть, что происходит на четвертом этаже Пресненского суда города Москвы.

Посередине холла стояли двое мужчин и орали друг на друга. Оба в солидных костюмах, хорошо смотревшихся на них, один – в белой сорочке и стильно подобранном галстуке, другой – в рубашке с расстегнутым воротом. В руках у обоих представительные портфели. Оба высокие и видные, рослые, но один был повыше, а другой был ростом немного пониже, но зато телосложением отличался еще более крепким, чем его собеседник. Тот, который был выше, выглядел и говорил корректнее. Он явно отличался более сдержанным характером (но к этому моменту и в нем уже разгорелась ярость); тот, который был крепче, выглядел и высказывался решительнее. Становилось очевидно, что от него можно ожидать любых резкостей, и в словах, и в движениях (и было заметно, что к резким действиям он уже совсем готов перейти).

Лица обоих мужчин искажались сильнейшим раздражением.

Но все же они оба смотрелись очень солидно.

И еще – они были необычайно похожи внешне.

Потому что они – родные братья.

Это были Владимир Синегоров и Виктор Синегоров.

Владимир Синегоров – крепче, Виктор Синегоров – выше.

И оба они были адвокатами, представлявшими в нынешнем процессе разные стороны.

Орали они друг на друга очень громко, но – в целом прилично, без сквернословия; правда, уже казалось, что более крепкому брату сдерживаться от нецензурщины становилось все тяжелее. Пристав подошел разнимать их, но как-то не решился вмешиваться – чтобы не нарваться на удары с их стороны. Судья Анна Игоревна Карлова вышла из своего зала и спокойным, ровным, твердым и уверенным голосом сказала ругающимся мужчинам что-то строгое, но они и не услышали, и даже и не увидели ее – а потому продолжили свою громкую беседу, не уступая друг другу.

Ничуть не удивительно, что братья не видели и не слышали никого – потому что они с нескрываемой враждебностью смотрели друг на друга, не замечая ничего вокруг. Взаимная враждебность прямо пылала в их взглядах; про такие взгляды говорят, что они могут воспламенить и сжечь – могут испепелить собеседников.

Похоже, братья действительно могли бы уничтожить друг друга – настолько высок был градус их взаимной ненависти.

Высокий сказал:

– Зачем ты вообще сунулся в гражданское дело??? Ты же криминалист! Мало тебе защит по уголовным делам?!

– Захотел – и сунулся! Мое дело! Ко мне он пришел! Тебе не нравится – пшел вон отсюда!

– Ты как в армии был десантником – так им и остался! Как привык все боем решать – так и здесь действуешь! Как будто кирпичи рубишь!

– Ну я хоть служил в армии! А ты слюнтяй – вообще в армии не служил! Маменькин сынок!

– Да ты здесь ничего не понимаешь!

Люди вокруг стояли на некотором отдалении от этих мужчин, опасаясь (как и подошедший пристав), что если эти мужчины с их высоким ростом и крепким телосложением начнут драться – достанется всем, кого они заденут своими ударами.

Помощники обоих Синегоровых вообще держались дальше всех.

Крепкий продолжал:

– Твой клиент вообще работу компании развалил!

Высокий парировал:

– А твой спровоцировал моего! А ты ему еще и помогаешь отнять наследство у моего доверителя! Только хуже всем делаешь! Они могли бы помириться – а ты им не даешь помириться! Топорно работаешь!!!

– Мы подадим апелляцию! – с этими словами крепкий стал поворачиваться, чтобы идти к лифту.

– Давай-давай, подавай. Все равно проиграешь! – парировал высокий.

– Ща как вье... – не выдержав, развернулся и начал замахиваться на него высокий брат.

– Адвокаты Синегоровы! Не выражайтесь! Прекратите ругаться! Ведите себя в соответствии с правилами! – очень громко закричал в этот момент старший судебный пристав, срочно выходя из двери подъехавшего лифта.

Увидев его и услышав его призыв, оба брата остановились, посмотрели на него, потом зло посмотрели друг на друга – и, взяв портфели, пошли к разным лифтам (хорошо, что в Пресненском суде несколько лифтов). Так получилось, что лифты приехали одновременно и на первый этаж Синегоровы вышли из них практически одновременно – и там они, синхронно повернув головы, посмотрели друг на друга так же зло, но еще и с огорченным раздражением из-за того, что им не дали договорить – не дали довыяснить отношения.

Тем не менее из суда они вышли без новых столкновений – пока они спускались вниз, самый горячий запал прошел.

Да и адвокатский статус обязывал к сдержанности (вспомнил каждый из них, пока спускался с четвертого этажа суда на первый).

Вся юридическая Москва, особенно адвокатское сообщество Москвы и Московской области, знали о непримиримой вражде и даже взаимной ненависти братьев Синегоровых. Каждое их столкновение становилось предметом обсуждения и в личных беседах адвокатов («Слышал? Синегоровы опять поругались»), и в адвокатских соцсетях и группах («Вчера Синегоровы наорали друг на друга прямо в судебном заседании», «Знаете, Синегоровы чуть было не подрались в суде», «Синегоровы устроили выяснение отношений прямо перед судьей»). Будучи оба сыновьями известного адвоката Всеволода Валентиновича Синегорова и сами являясь адвокатами, причем членами одной и той же адвокатской палаты, куда они поступали по стопам отца, более сорока лет состоявшего в адвокатуре, они просто не выносили присутствия друг друга – и их раздражало даже упоминание друг о друге.

Никто не знал о причинах их вражды; когда их спрашивали об этом, каждый из них раздражался упреками в адрес брата, но причину так и не говорил. Более того, их близкие друзья подозревали, что, возможно, братья Синегоровы и сами уже не помнили причину своей вражды; скорее всего, она произошла из обычного соперничества двух одинаково умных, сильных и волевых братьев, с детства росших вместе, у которых разница в возрасте была всего лишь два года.

Труднее всего было их маме, невыразимо сильно переживавшей из-за их противостояния – столь жесткого и непримиримого.

Проводывали они маму по графику – чтобы не встречаться лично.

То, что оба брата были адвокатами, лишь усиливало их противостояние, несмотря на то, что оба они были одинаково успешными и известными адвокатами, причем адвокатами все-

российского уровня. Особенно их раздражало, когда журналисты, не удосужившись уточнить, какой именно «адвокат В. Синегоров» ведет дело, обращались за комментариями к другому В. Синегорову; Виктор в таких случаях просто указывал им на их ошибку (хотя его и напрягала подобная непрофессиональность журналистов), и они уходили от него, а Владимир устраивал им громкий очень неприятный выговор – и от него они убегали, торопясь максимально отдалиться от него, опасаясь, что от грозных слов он перейдет к суровым делам.

На мероприятиях адвокатского сообщества братья тоже старались не пересекаться. Организаторы это знали, поэтому тщательно смотрели, чтобы приглашать их на такие мероприятия по очереди.

После той сцены в Пресненском суде Владимир Синегоров приехал в офис, где у него была назначена встреча с Кириллом Дьяковым-Ратниковым. При договоренности о встрече Кирилл не стал говорить суть проблемы, отметил лишь, что она носит очень деликатный характер.

На входе в офис Владимир резко спросил у секретаря, были ли звонки, строго узнал у юриста, готов ли иск, и по пути в свой кабинет что-то еще сурово прокомментировал. Сотрудники, поняв, что он в плохом настроении, попрятались по кабинетам и не решались что-либо спрашивать у него; лишь секретарь осталась на передовой, но спряталась в своей секретарской крепости и старалась не проявлять присутствия.

Лицо у Владимира было умное, но выражение лица всегда оставалось довольно жестким и даже резким из-за прямого решительного взгляда, и лишь слегка насмешливая улыбка немного смягчала это выражение (но не устраняла его полностью), и дополнялось это некоторой хитростью прищура. И все же чаще всего улыбка отсутствовала, и выражение лица было сурово-нахмуренным. С первого взгляда становилось понятно, что этот человек может быть очень сложным и крайне неприятным в общении в силу своего стального характера. Нравом он отличался весьма крутым – это многие знали; он был скор на расправу, но – справедлив. Правда, будучи «человеком дела», вникать в переживания людей он не стремился. Он и разговаривал короткими, рублеными, зачастую отрывистыми фразами, явно нетерпящими несогласия с ними. И еще становилось понятно, что запугать этого адвоката невозможно (скорее он сам мог легко испугать кого-то и грозным видом, и грозным взглядом), да и переубедить его вряд ли возможно – настолько он выглядел твердо-неуступчивым.

Если у Владимира на лице была улыбка – сотрудники решались подойти; если его лицо сияло хмуростью – они предпочитали скрыться в своих кабинетах.

Дьяков-Ратников приехал вовремя, за пять минут до назначенного времени; Владимир отметил такую пунктуальность.

Когда они расположились в переговорной и поприветствовали друг друга, Кирилл некоторое время молча собирался с мыслями, поэтому у Владимира была возможность рассмотреть его и составить представление о нем. Синегоров определил возраст Дьякова-Ратникова как лет двадцать четыре или двадцать пять, он явно происходил из хорошо обеспеченной семьи; судя по фамилии, его семья, возможно, даже имела старинное происхождение. Тонкие черты внешности выдавали нервический характер. Во всем чувствовалась аккуратность, осмотрительность, вкрадчивость, осторожность, но – и настойчивость, и даже непреклонность (несколько удивительная при его нервичности). Создавалось впечатление, что этот человек вряд ли станет отстаивать свою правоту в обсуждении, но явно готов четко проводить линию на то, чтобы все получилось так, как хочет он – даже если он не до конца уверен, что он прав.

И тем удивительнее был рассказ Кирилла. Он явно очень смущался, молчал, но все же решился начать повествование:

– Понимаете, у меня была связь с женщиной. Ее зовут Линда, мы с нею работаем в одной компании. У нас появилась взаимная симпатия, и мы сблизились. Мы даже в отпуск уехали

в Италию на два месяца. И вот тут на днях она объявила мне, что беременна, и потребовала, чтобы я женился на ней. Я не отказываюсь от ребенка – конечно, если это мой ребенок – но скорее всего мой, так как по срокам получается, что мы могли зачать его как раз тогда в Италии – а там мы не расставались. Но я не собирался жениться на ней! Когда Линда поняла, что я не собираюсь жениться на ней, она стала угрожать мне всяческими неприятностями, в том числе правового характера – ну, вы понимаете.

Кирилл явно нервничал, но собрался с силами и сформулировал просьбу:

– Помогите мне решить эту опасность.

Слушая рассказ, Владимир что-то обдумывал. Выслушав Кирилла, он тут же задал ему вопрос в своем прямолинейном стиле:

– Линда была первой женщиной, с которой у вас был секс? Вы набирались с нею сексуального опыта?

От неожиданной прямолинейности этого вопроса Кирилл аж поперхнулся; то, что при этом он еще и покраснел от смущения, случилось уже помимо его воли. Он достал платок, вытер пот со лба и проговорил:

– Ну... вы так прямо задаете вопросы...

– Я задаю прямые вопросы как адвокат, к которому вы пришли за помощью, который готов вам эту помощь оказать, но которому нужно знать всю информацию, – твердо произнес Владимир. – Целью вашей связи с Линдой было только научиться основам секса?

– Да... – выдохнул Кирилл, решившись ответить.

– Но когда вы пригласили ее поехать пожить в Италии, вы ее об этом не предупреждали?

– Нет...

– По вам видно, что вы очень осторожный человек – как же так получилось?

– Ну, вот... – развел руками Кирилл. – Увлёкся, расслабился.

– Вы не предохранялись? – вернулся адвокат к постановке прямолинейных вопросов.

– Предохранялись, но не каждый раз, – Кирилл вновь стал краснеть.

Теперь он, по крайней мере, не так сильно удивился вопросу.

– А как вы предполагали дальнейшие отношения с Линдой? – перешел к менее острым вопросам Владимир.

– Ну, по возвращении в Москву расстаться.

– Понятно. А кто оплачивал поездку?

Владимир задавал вопросы и записывал ответы собеседника.

– Я. Ну, точнее – моя семья. Мои родители. Они очень состоятельные.

– Но Линду вы им не представляли?

– Нет. Конечно, нет – я же не рассматривал ее как свою невесту.

– Ясно. Вы упомянули, что не отказываетесь от ребенка, если он ваш. Правильно я понимаю, что вы не настаиваете на том, чтобы Линда сделала аборт, и готовы платить алименты?

– Не совсем так. Если ребенок мой, я хочу, чтобы Линда родила его и отдала мне – и я и моя семья будем растить его и полностью заниматься его воспитанием.

Тут уже Владимир при всей своей профессиональной невозмутимости и прекрасной адвокатской черствости откровенно удивился – потому что не ожидал такого варианта. Он поднял глаза от своих записей и продолжительно молча посмотрел на Кирилла.

А вот Кирилл за время беседы уже понял, что удивить адвоката Синегорова трудно, поэтому его прямой немигающий взгляд, смотрящий на него, он истолковал по-своему и поспешил дополнить:

– Папа и мама согласны – они будут воспитывать этого ребенка как своего внука или внучку.

– Необычно! – честно прокомментировал Владимир. – То есть вы хотите, чтобы после рождения ребенок, если он является вашим, полностью перешел под воспитание к вам и вашим родителям, а его мать была полностью устранена из его жизни вообще. Так?

– Да – так, – выдохнул подтверждение Кирилл.

– Но вы понимаете, что эта женщина все равно будет записана как его мать по самому факту рождения этого ребенка?

– Понимаю. Но вот как раз уже на перспективу хотелось бы подстраховаться юридически. Потом Кирилл явно собрался с духом и суммировал:

– Владимир Всеволодович, мне нужна такая ваша помощь: сейчас – обезопасить меня от любых неприятностей, которые может устроить мне Линда, а после рождения ребенка – обеспечить, чтобы ребенок остался в моей семье.

– Помогу! – решительно ответил Владимир.

Встреча и беседа с Дьяковым-Ратниковым немного отвлекли Владимира от мыслей по поводу стычки с братом в Пресненском суде, но совсем отделаться от них он никак не мог. Поскольку срочных дел не было, после этой встречи он сел в машину и поехал кататься по Москве, чтобы отвязаться от этих мыслей и переключиться на размышления по каким-нибудь другим темам.

Однако мысли о произошедшей утром в суде стычке и о брате прочно прицепились к нему.

Владимир Синегоров был старшим братом – соответственно, ему после рождения младшего брата приходилось постоянно двигаться вперед в учебе, в спорте, в развлечениях, чтобы оторваться от младшего брата, идущего прямо следом за ним, а в силу высокого роста – вот буквально дышащего ему в затылок. Он стремился доказать, что он лучше младшего брата. Он считал, что обязан во всем опережать того. Более того – ему нужно было постоянно побеждать в этом соперничестве. В подобных условиях столкновения становились неизбежными.

Отличником он не являлся, но держался крепким хорошистом – тут ему было трудно спорить в сравнении с Виктором. Их учили одни и те же учителя в одной и той же школе, и эти педагоги, по традиции вместо тактичности отличавшиеся прямолинейностью, нередко ставили Виктора в пример Владимиру – чем запредельно злили последнего. Он сжимал зубы и молчал, слушая расхваливания брата учителями, но внутри просто кипел из-за этих сравнений бестактными педагогами. Однако в занятиях спортом – в боксе и в «качалке» – он явно опережал брата: Владимир стал очень рослым и сильным, его телесная мощь ощутимо чувствовалась под костюмом, который не мог ее скрыть: как в школе, эта мощь зримо ощущалась под курткой школьной формы. То, что младший брат еще со школы не смог накачаться до такой же степени мощи, раздражало младшего – и радовало старшего. И эта мощь укрепляла его уверенность в себе и своих силах – и давала ощущение победы в их с братом персональном соревновании.

Друзья, хлопавшие его по плечу и говорившие «Ты – лучший! Ты самый крутой!». Учителя, ставившие ему в пример младшего брата («Почему твой брат может, а ты – нет?»). Во всем наперегонки с братом. И печальные глаза молчаливой мамы, с грустью видевшей расширяющуюся пропасть неприязни между ее сыновьями.

Годы неприязни, перешедшей в ненависть.

Но все равно каждое упоминание о брате вызывало у него на лице гримасу сильнейшей ярости.

Вот и сейчас, уже начинало темнеть, Владимир потерял счет количеству кругов, наезженных им по улицам, а мысли о младшем брате и о стычке с ним так и не отступали – ну не удалось их задвинуть. Наоборот – Владимир лишь все более раздражался из-за этих мыслей, всколыхнувшихся сегодняшней стычкой с братом в суде.

Вот ведь неладно как день начался и прошел!

Виктор Синегоров после той сцены в Пресненском суде тоже приехал в офис, на встречу с молодой женщиной, которой его попросили помочь. Когда он приехал, эта женщина уже была в офисе, так как из-за судебного заседания ему трудно было назначить время встречи.

Войдя в офис, он поговорил с секретарем, которая радостно вышла навстречу ему и стала рассказывать про звонки и другие дела. Сотрудники выходили из кабинетов, если нужно было спросить что-то срочное; Виктор наскоро вникал в суть вопросов и отвечал им.

Лицо у Виктора также было умное, как и у Владимира, но, в отличие от старшего брата, умное выражение лица сочеталось с открытостью и улыбочивостью, выдававшими его доброжелательность, которая дополнялась мягкостью и тактичностью в общении (мягкостью в той степени, которая возможна у сильного, уверенного в себе мужчины). Эта мягкость могла ввести в заблуждение, потому что в общении с ним довольно быстро становилось понятно, что характер у Виктора Синегорова твердый и железный, и свое мнение он отстаивает хотя и тактично, но – последовательно и настойчиво. Было очевидно, что этого адвоката одинаково невозможно запугать и запутать – но можно переубедить, если собеседник приведет неоспоримые логичные доводы.

В общем, к нему его сотрудники решались обратиться всегда.

Виктор вошел в переговорную, поздоровался, извинился за опоздание, и они начали беседу.

Женщину звали Татьяна Тулупова. Она была красива той приятной неброской красотой, которую нужно еще суметь разглядеть, но зато, когда разглядел ее, уже легко думаешь – ну какая же поистине красивая женщина. Волосы она аккуратно собирала в прическу; чувствовалось, что она ухаживает за своим внешним видом, хотя у нее явно не хватает на это времени. Она выглядела сосредоточенной, и очевидно, что обращением к адвокату она хочет преодолеть серьезные сложности.

– Виктор Всеволодович, спасибо Вам большое, что согласились помочь мне. Расскажу все как есть. Год и четыре месяца назад мы познакомились и стали встречаться с Яном. Сначала просто встречались, потом начался роман, а потом я забеременела. Сразу решила, что ребенка буду рожать. Ян сообщение о беременности воспринял хорошо, как мне показалось, даже порадовался. Ну, и хорошо. Жениться на мне я от него не требовала, понимала, что он не готов. Но он всю беременность заботился обо мне, помогал покупать все нужное, гулял со мной. Ну, и хорошо, что так.

Татьяна помолчала. Виктор не торопил и не перебивал ее, понимая, как сложно ей рассказывать эту историю – потому что было очевидно, что продолжение этой истории явно не такое светлое, как начало.

Татьяна продолжила:

– А потом что-то произошло, и за две недели до назначенной даты родов он позвонил мне и сказал, что больше мы не увидимся и что ребенка я буду растить одна, а он в ребенке никакого участия принимать вообще не будет. Ну, ладно, раз так. Ну, родится мой ребеночек – ну это же замечательно! Это же счастье!

Примерно такого развития истории Виктор и ожидал; грустная правда жизни. Но он искренне восхитился женщиной, которая в таких неординарных и к тому же неожиданных для нее условиях приняла решение оставить ребенка и ничуть не жалела об этом решении.

Татьяна помолчала, а потом продолжила:

– Родители меня полностью поддержали, сказали, что во всем помогут, чтобы я не волновалась и спокойно ехала в роддом. Роды прошли очень хорошо, и у меня родился сын – Миша. Назвала я его тем именем, которое мы с Яном ему заранее выбрали. Я его везде так и записала – Михаил Янович Тулупов, под своей фамилией, ну, понимаете, когда у мамы и

ребенка одна фамилия – это во всех отношениях проще, а если разные фамилии – то очень много сложностей с документами получается. Ну, Вы понимаете меня.

– Да, конечно, понимаю! – тут же ответил Виктор, записывающий на листе бумаги все важные факты, которые сообщала Татьяна.

– Вот его документы.

С этими словами Татьяна выложила перед Виктором документы своего малыша, и Виктор стал выписывать из них нужные ему даты.

– Мы и в поликлинику под таким именем и фамилией записали, и крестили Мишу под такими именем и фамилией, – сказала Татьяна, выкладывая еще и свидетельство о крещении.

– Прекрасно! – сказал Виктор и искренне добавил, – Как хорошо, что у вас все документы в таком порядке.

– Спасибо! – ответила собеседница, и было видно, что этот заслуженный комплимент ей очень приятен.

Виктор молчал, прекрасно понимая, что повествование этой истории еще не закончено – потому что пока что шли проблемы психологические, а к адвокату обращаются с проблемами юридическими.

И Татьяна действительно продолжила свой рассказ:

– Но где-то через три месяца Ян позвонил и сказал, что хочет увидеть сына. Ну, законное желание – это же его сын. Мы договорились, и он приехал со своей мамой, посмотрел Мишу. Потом еще раз приезжал, уже без мамы. А потом от него пришло вот это.

Татьяна, перевернув документ Виктору, пододвинула его ему. Виктор стал читать – это было исковое заявление Всеокского Яна Игоревича к Тулуповой Татьяне Борисовне с требованиями 1) о признании его отцовства в отношении рожденного ею сына Тулупова Михаила Яновича и 2) об изменении фамилии ребенка с «Тулупов» на «Всеокский».

– То есть Ян Всеокский даже не пытался поговорить с Вами, а сразу прислал этот иск? – Виктор и не старался скрыть свое возмущенное удивление по поводу такого поступка отца ребенка Татьяны.

– Да, сразу иск. Но что меня еще тревожит и, скажу честно, оскорбляет – то, что Ян просит провести генетическую экспертизу для установления отцовства.

– Да, вижу, – подтвердил Виктор и спросил, – то есть сами Вы ни на установление отцовства, ни на взыскание алиментов не подавали?

– Нет, зачем? Ян сказал же, что это будет мой ребенок, и растить его я буду сама – зачем же я буду навязываться?

Синегоров усмирив гнев, вскипевший в нем в отношении Яна Всеокского, собрался с мыслями и сказал:

– Татьяна Борисовна, Вы все сделали очень достойно: родили сына и ни от кого ничего не требуете. Но этот иск нужно отбивать, кроме требования об установлении отцовства: хочет Ян быть отцом – пусть будет им. Просто это требование, если Ян от него не откажется – а я так понимаю, что не откажется – отбить будет невозможно.

– Понимаю.

– Давайте сделаем все, чтобы обратить этот иск против самого Яна.

Виктору тоже хотелось отвязаться от воспоминаний об утренней стычке с братом, поэтому после беседы с Тулуповой он пошел гулять по окрестным улицам и паркам. Ходьба часто помогала ему при необходимости «устаканить» свои размышления.

Виктор Синегоров являлся младшим братом – соответственно, ему с рождения приходилось постоянно догонять старшего брата во всем: в учебе, в спорте, в развлечениях. Он вынужден был стремиться всем доказать, что он не хуже старшего брата – потому что тот явно начал

соперничество и жестко вел его. Поэтому со стороны Виктора столкновения тоже были неизбежными.

Учился он лучше, чем старший брат, и легко и без напряжения стал «отличником». Спортом он тоже занимался и боксом занимался; правда, стать таким же суперкрепким, как старший брат, Виктору не удалось: помешал высокий рост (он наработал просто крепкое телосложение). Тренер по боксу иногда в сердцах, крепко ругнувшись, говорил «Что ж твой брат это мог, а ты не можешь?!» – так что Виктору тоже доставалось неприятных сравнений. Но он вырос немного повыше ростом, чем Владимир – и это было предметом зависти старшего брата.

В квартире комнаты братьев находились рядом, с общей стеной, что тоже вызывало конфликты – ибо они любили слушать разную музыку и слушали ее громко. Больше всего они любили ездить на дачу: там у них были комнаты в разных концах дома; всяко поменее конфликтов. Но совсем избежать конфликтов не удавалось. Поэтому любое упоминание о брате вызывало у него гримасу сильнейшего недовольства.

Друзья, хлопавшие его по плечу и говорившие «Ты – лучший! Ты самый классный!». Тренер, ставивший ему в пример старшего брата («Почему твой брат мог, а ты – нет?»). Соревнование во всем наперегонки с братом. И печальные глаза молчаливой мамы, с грустью видевшей расширяющуюся пропасть неприязни между ее сыновьями.

Годы неприязни, перешедшей в ненависть.

Виктор, вспоминая все эти детали, прошел уже третий раз вокруг квартала, в котором располагался его офис – а мысли об утренней встрече со старшим братом все не уходили.

Через день Виктор участвовал в заседании по гражданскому делу (он вел только гражданские дела) в Замоскворецком суде. Оспаривалось завещание пожилого очень известного художника Константина Никифоровича Дубравина. Имея единственную кровную родственницу – племянницу Карину, дочь его младшего родного брата – он лишил ее наследства, когда увидел, что Карина, приехав к отцу в Москву, очень быстро сжила его со свету: сначала выселила из его собственной комнаты на кухню, а затем он как-то довольно вскоре умер (что ничуть не удивительно при таком плохом отношении родной дочери, которую он приютил у себя. Он с грустью рассказывал брату, как плохо дочь обращается с ним, и прямо говорил, что она ждет его смерти). И Константин Никифорович составил завещание на все принадлежащее ему имущество на имя Дарьи Григорьевны Валдаевой, его давней подруги и спутницы жизни, с которой он прожил последние два десятилетия своей жизни.

Наследство он оставил немалое: квартиру в Москве, дачу в живописном месте недалеко от столицы и множество картин, некоторые из которых имели мировую известность.

После его смерти Дарья Григорьевна представила нотариусу завещание, и нотариус открыла наследственное дело; Дарья Григорьевна приняла наследство как наследница по завещанию. Однако через несколько дней к нотариусу обратилась Карина как единственная наследница Константина Никифоровича по закону и тоже приняла наследство. А еще через несколько дней Карина подала в Чертановский суд иск о недействительности завещания ее дяди, потому что он будто бы в силу очень преклонного возраста и плохого состояния здоровья не понимал значение своих действий и не мог руководить ими.

Виктор представлял интересы Дарьи Григорьевны как ответчицы. Интересы истицы представляли два каких-то юриста по доверенности.

Предстоящее заседание имело очень важное значение. Судья сказала привезти всех свидетелей, чтобы допросить их, а после этого рассмотреть ходатайство стороны истицы о назначении посмертной психолого-психиатрической экспертизы состояния завещателя на основании свидетельских показаний и медицинской документации. Медицинскую документацию суд уже истребовал и получил. Психические отклонения у завещателя напрочь отсутствовали: в преды-

душие десять лет Константин Никифорович лежал в больницы только по поводу проблем с сердцем: оно с юности было у него слабое (и умер он от сердечного приступа).

Виктор приехал вовремя и, поднявшись на нужный этаж, увидел вполне привычную картину: в разных углах судебного коридора стояли две группы людей, явно собирающихся засвидетельствовать в судебном заседании прямо противоположное в отношении одного и того же человека – завещателя.

Группа свидетелей истицы состояла из весьма неровно различающихся людей среднего возраста, большинство из которых шумно и беспардонно выражали все свои эмоции по поводу того, что Карине («Его единственной кровной родственнице! Представляете – единственной!») приходится судиться с «наглой мошенницей, хитростью завладевшей имуществом ее престарелого дяди». Поскольку говорили они одно и то же одними и теми же словами, адвокату было сразу профессионально ясно, что и источник информации у них один и тот же: скорее всего – сама Карина («Кариночка» – как некоторые из них называли эту сорокалетнюю молодящуюся женщину).

Эта группа явно не вызывала симпатии у Виктора – и не только потому, что это были свидетели противной стороны.

Более того – она вызывала антипатию своей готовностью лжесвидетельствовать.

А вот другая группа состояла из пожилых и благообразных людей, явно относящихся к настоящей московской культурной интеллигенции, которые чинно и негромко, со взаимным уважением друг к другу и с уважением к остальным присутствующим в суде людям переговаривались между собой, так как они явно были уже много лет (а возможно – даже и несколько десятилетий) знакомы друг с другом. От них исходило ощущение истинной культуры. И, судя по их разговорам, они вспоминали разные совместные с наследодателем события, участниками которых они были – то есть они делились своими собственными воспоминаниями.

Виктор подошел к ним, поздоровался с Дарьей Григорьевной, со свидетелями – и далее стал просто наслаждаться слушанием разговоров этих образованнейших и культурнейших людей (с сожалением думая, что в его поколении таких людей почти нет).

Когда секретарь пригласила дело в зал, зашли Виктор с Дарьей Григорьевной и те два юриста. Карина не появлялась в процессе.

Судья предложила сторонам изменить порядок исследования доказательств и заслушивать свидетелей по очереди, чтобы у экспертов, которые будут читать их показания, благодаря такой чересполосице сложилась объективная картина.

Первой пригласили свидетельницу со стороны истицы – ровесницу и подругу Карины (то есть даму лет сорока-сорока пяти). Она выглядела довольно неухоженной, но при этом стремилась оставить о себе яркое, броское впечатление благодаря ярко-рыжим волосам, густому макияжу, ярко-красной губной помаде, клипсам в виде огромных кругов, позвякивавших при столкновении (и она даже явно старалась движениями головы почаще создавать такое позвякивание – может быть, оно ей самой нравилось? «Ну хоть кому-то оно нравится», – подумал Виктор) и в завершение образа – красно-рыжему балахону, поверх которого были наброшены еще крупные бусы «под жемчуг».

Закругляли этот незабываемый образ крупные перстни – разумеется, бижутерия – по три на каждой руке.

Но главное – это аксессуар: у свидетельницы была сумка «Louis Vuitton», и она всем своим видом намекала, что это – подлинный Louis Vuitton (от чего со всей неопровержимой очевидностью становилось понятно, что он точно неподлинный).

Она так долго доставала из этой столь важной для нее аксессуарной сумки свой паспорт, что секретарь судебного заседания, устав от этого спектакля, сказала немного раздраженно:

– Давайте уже ваш паспорт.

Когда формальности были выполнены и пришло время давать показания, свидетельница взошла на трибуну (хотя лучше сказать, что она внесла себя на трибуну) и сразу стала говорить:

– Кариночка и ее дядя были ближайшими друг другу людьми, и дядя очень любил Кариночку.

– Ближе к делу, – поправила ее судья, к тому моменту уже просчитав этот тип свидетельницы и поняв, что придется направлять поток ее повествования в нужное русло. – Что вы можете сказать о Константине Никифоровиче Дубравине?

– Первый раз я его увидела, когда он встречал Кариночку с поезда. И потом я его видела, он так изменился! И вот он говорит Кариночке «Ты моя родная!».

– Я не поняла, – спросила судья, отрываясь от своих записей, которые вела по ходу дачи показаний. – А в чем изменения-то? Он воспринимал ее как ближайшую и единственную родственницу, общался с нею, и все нормально было?

Свидетельница спохватилась, что просили ее рассказать в суде нечто другое, поэтому добавила:

– И иногда так ррраз – и вдруг спрашивает Кариночку «А ты кто такая?». Или вот иду однажды, Мусечку свою выгуливаю, а тут он навстречу – сонный, растерянный, в домашних тапочках и с палитрой, как лунатик идет, хотя на дворе декабрь. Я с ним поздоровалась, а он в ответ: «Убери свою шавку, я сегодня автографов не даю». Не узнал меня, представляете? Меня! Так и запишите в эти свои протоколы для экспертов! И знаете, это ведь накануне составления завещания было. Ну, разве можно такому человеку завещание делать? Тем более не на роднучекку свою, Кариночку, а на какую-то чужую женщину!

– Понятно, – продолжила допрос свидетельницы судья. – А как часто вы лично видели Константина Никифоровича Дубравина?

– Ну... часто... ну... вместе с Кариночкой. Я живу рядом с ней, и мы вообще с ней часто мою Мусечку выгуливаем вместе, она у меня такая активная девочка, утром просыпаюсь, а она рядом с поводком и такая глазками...

Виктор решил перебить свидетельницу и включился в допрос:

– Уважаемый суд, разрешите задать вопрос свидетельнице?

– У стороны истицы нет вопросов вашему свидетелю?

Юристы помотали головами, давая понять, что вопросов у них нет.

– Да, задавайте.

– Спасибо! Скажите, пожалуйста, – обратился Виктор к свидетельнице, – Вы можете описать внешность Константина Никифоровича Дубравина в последние годы его жизни?

– Ну... да... пожилой такой, уже, в общем-то старый, дряхлый, с редкими волосами, ну почти облысевший, сухонький такой, маленький, как Луи де Фюнес, – описывала внешность человека свидетельница.

– Спасибо. Уважаемый суд, – обратился Виктор к судье, – прошу приобщить к материалам дела фотографию Константина Никифоровича Дубравина с друзьями, сделанную в день, когда им удалось добиться установки на доме их умершего друга, художника Вереева, мемориальной доски в память о нем. На доске видна дата установки – это два года назад, через год после составления и удостоверения оспариваемого в этом процессе завещания.

Виктор передал фотографию судье, ну и, чтобы полностью соблюсти процессуальные требования, передал фотографию и тем двум юристам тоже. Фото четко запечатлело, что хотя Константин Никифорович и являлся очень пожилым человеком, но шевелюра у него была просто роскошная: густая, совершенно белая седина, смотревшаяся очень благородно и даже величественно.

К слову, телосложением он отличался достаточно крупным и был скорее похож на Жерара Депардье, чем на Луи де Фюнеса.

Виктор задал свидетельнице еще один вопрос:

– Вы точно уверены, что он был похож именно на Луи де Фюнеса?

– Ой, да подумаешь – французских актеров перепутала, – хорохорилась свидетельница, кокетливо обводя взглядом зал и всех присутствующих в нем людей, мол, такая мелочь, и чего только к ней придираются.

– Вы хоть раз лично видели наследодателя? – строго спросила судья.

– Ни разу, – тихо проговорила свидетельница.

– Обязательно занесите эту фразу в протокол, – сказала судья, обращаясь к секретарю судебного заседания.

– Можно, я пойду уже, а то мне как-то нехорошо стало, – проговорила свидетельница, и так как судья ее не остановила, сошла с трибуны и, подхватив свой поддельный «Louis Vuitton», довольно быстро покинула зал судебного заседания – пока ее не остановили.

Соответственно, следующим был свидетель со стороны ответчицы Николай Викентьевич Микулин – пожилой и очень благообразно выглядящий мужчина, в одеянии которого было что-то неумовимо-художественное, и когда он начал говорить, стало понятно, что именно:

– С Костей мы были знакомы с пятьдесят четвертого года, когда оба стали преподавать в Строгановском училище. Мы подружились, сначала сами, потом семьями – у Кости была первая жена, у них был сын, умерший потом уже взрослым.

– Уважаемый суд, свидетель говорит то, что явно не относится к делу! – вскочил с места один из двух юристов.

Судья молча строго посмотрела в сторону этого юриста (и от ее взгляда он предпочел молча сесть на скамейку) и потом сказала:

– Николай Викентьевич, продолжайте, суд слушает вас.

– Благодарю вас, – проговорил свидетель, и в его ответе было очень много почтительного достоинства. – С Костей мы общались ну не каждый день, конечно, но очень часто – и лично, и по телефону. После выхода на пенсию мы оба продолжили рисовать, Костя несколько раз организовывал свои выставки. И вот мы в разговорах обсуждали творческие планы друг друга, говорили об общих знакомых. Костя общался со многими нашими знакомыми из художественной среды.

– В предыдущие три года как часто вы встречались с Константином Никифоровичем? – спросила судья.

– Да, почитай, почти каждый день и общались. Лично я приезжал в гости к Косте и Даше дня за четыре до его смерти, а по телефону разговаривал с ним накануне его смерти – как потом оказалось. Я еще запомнил: надо же, вчера так хорошо поговорили с Костей, а сегодня звонит в слезах Дашенька и говорит, что Костя умер.

Свидетель, погрузнев, помолчал, и потом добавил:

– Понимаете, он всегда побойчее меня был, и надо же такому случиться – умер раньше меня. Сердце. Он так воодушевленно говорил о творчестве, о новых планах, и знаете – большинство своих планов он осуществлял – писал картины. Он был очень творческим, он не мог без рисования. То есть он всю жизнь, вплоть до последнего дня, был очень последователен. Мне иногда казалось, что он моложе меня, хотя мы ровесники. Ясный ум он сохранял до последних дней: он шутил и на нашей последней личной встрече, и во время нашего последнего телефонного разговора.

– Спасибо, Николай Викентьевич. У сторон есть вопросы? – спросила судья.

Вопросов не было.

– Спасибо, Николай Викентьевич, вы можете идти.

– Уважаемый суд, – встал со своего места Виктор, – разрешите заявить ходатайство о приобщении к материалам дела каталога работ Константина Никифоровича Дубравина, переданных им год назад Союзу художников Москвы. В отношении каждой работы указан год, и очевидно, что Константин Никифорович творил все годы своей жизни, без перерывов.

– Ясно, хорошо, – сказала судья. – У другой стороны есть возражения?

– Возражаем категорически! То, что завещатель малевал до смерти, еще не значит, что он был нормальным! Ван Гог вон тоже до смерти кисточкой орудовал, и что? Шизофреником и помер!!!

Строгий взгляд судьи пресек этот поток вопиюще-наглого бескультурия.

По другой стороне было видно, что они и рады бы возразить что-то по существу – да нечего.

– Суд на месте определил: ходатайство стороны ответчика удовлетворить, документ приобщить к материалам дела, оценку доказательствам дать при вынесении решения.

Следующей была свидетельница со стороны истицы. Выглядела она скромнее, чем первая свидетельница (хотя вполне уместно будет сказать – она выглядела просто приличнее).

Но это впечатление держалось лишь до тех пор, пока она не начала давать показания, потому что говорила она довольно развязно, как-то неаккуратно, что ли.

– Я являюсь подругой Карины. С дядей, Никифором Константиновичем, у нее были прекрасные отношения. Он ездил к ней в гости, и она ездила к нему в гости. И несколько раз я ездила к нему вместе с Кариной. Вел он себя просто безобразно: плохо держал ложку, разливал суп, говорил иногда бессвязно, котлетами в нас бросался. Иногда он меня принимал за Карину, иногда спрашивал у своей бабы: «А кто эти девки?». А однажды, когда никто не видел, даже щипать Карину начал и предлагать картины его посмотреть. Но мы же тут все понимаем, о каких картинах шла речь?

Свидетельница обвела присутствующих уверенным взглядом – мол, как я тут режу правду всем в глаза.

– Сколько раз вы вместе с Кариной были у ее дяди?

– Нууу, не помню точно, но я была у него за четыре месяца до его смерти и за полгода. Точно помню, что видела его таким за несколько дней до завещания.

Дарья Григорьевна тихо сказала Виктору:

– Это все ложь! Эту женщину я никогда не видела, и Карина не была у нас лет уже семь или даже восемь.

– Сейчас мы докажем, что она лжет, – так же тихо ответил ей Виктор.

– Уважаемый суд, – спросил он, – можно перейти к вопросам свидетельнице?

– У стороны истицы нет вопросов? – спросила судья у тех двух юристов.

Они промолчали.

– Да, переходите, – сказала судья Виктору.

Он достал какие-то бумаги и спросил свидетельницу:

– Скажите, вы можете описать квартиру, в которую приезжали?

– Нууу, как входишь в дверь из подъезда, сразу там есть прихожая.

– Таак, – подбодрил свидетельницу Виктор.

– Ну и там налево кухня, рядом с нею – комната, и за нею – еще одна комната, все на одну сторону.

– И где вы обедали с Константином Никифоровичем?

– А почему вы называете его Константином Никифоровичем? – неожиданно спросила Виктора свидетельница. – Он же Никифор Константинович. Ой, да там все имена – такие сложные.

– Так где вы обедали с Константином Никифоровичем?

– В комнате.

– Уважаемый суд, – вновь встал Виктор, – ходатайствую о приобщении копии поэтажного плана, из которого видно, что в квартире Константина Никифоровича была большая кухня-столовая, а вот комнат было три, и они расположены на разные стороны.

– Свидетель! – очень строго спросила судья даму на трибуне. – Вы хоть раз были в этой квартире?

– Нет, – едва слышно проговорила свидетельница.

– И с Дубравиным не виделись?

– Нет, – уже почти пролепетала свидетельница.

– Когда вы сказали, что видели наследодателя за несколько дней до составления им завещания, какой месяц был на дворе?

– Тепло было, кажется, апрель, – не глядя на судью, почти шепотом ответила свидетельница.

– Так вы что сюда – врать суду пришли!? – неожиданно резко и громко спросила у нее судья. – Вы помните, что давали подписку об ответственности за дачу ложных показаний?! Помните – расписывались в расписке? Ну так вот вы их сейчас дали, ложные показания, и можно возбуждать уголовное дело против вас! Вон отсюда!

Все присутствующие молчали. Прошло полминуты. Судья немного успокоилась:

– У сторон и представителей еще есть вопросы к свидетелю?

Вопросов к этому свидетелю больше ни у кого не было. Свидетельница, хоть и пошатывалась уже под силой тяжести слов судьи, нашла силы сползти с трибуны и пойти к двери, по мере удаления от свидетельской трибуны заметно ускоряясь. Но она так торопилась, что сломала каблук, поэтому из зала судебного заседания она выползла, еще и прихрамывая.

– Записано в протоколе, что эта свидетельница никогда не виделась с Дубравиным и никогда не была у него в квартире? – спросила судья у секретаря.

– Да, – ответила та.

Виктора такой вариант вполне устроил.

Оба юриста – представители истицы – явно искали возможность, как бы сейчас не попасться на глаза судье. Им это, конечно, не удалось: судья очень строго посмотрела на них, ничего не сказав, но и так все было понятно.

Затем выступал Павел Васильевич Королев:

– С Константином мы знакомы с того времени, когда он переехал в эту квартиру, примерно тридцать лет назад – я тоже живу в этом доме. Однажды сидели на лавочке, у меня с собой была шахматная доска – я имею разряд по шахматам – решили сыграть – и с тех пор играли вплоть до его смерти. Как потом оказалось, в последний раз с ним мы виделись за три дня до его смерти. У него хоть разряда и не было, но играл он очень сильно. Соответственно, и я в гостях у Константина был, и в будни, и на праздничных застольях, и он к нам приходил. У него был очень сильный логический ум, вплоть до последних дней он очень остро все сообщал.

– Как часто вы с ним виделись?

– По несколько раз в неделю.

– По чьей инициативе происходили встречи?

– Иногда я звонил Косте, иногда он звонил мне, и мы договаривались, где встретиться: у них с Дашей или у нас с женой. А когда была хорошая погода – мы выходили во двор и играли там. А за игрой – и разговоры разговаривали. С Костей было очень интересно разговаривать на самые разные темы, не только о шахматах и не только о его искусстве – он очень разносторонний был.

– А как складывались ваши беседы?

– Чаще всего Костя спрашивал что-то, а потом сам рассказывал, что думает. Если я его спрашивал, он всегда отвечал неторопливо и обстоятельно.

Далее выступал свидетель стороны истицы. По тому, как заметно приободрились оба представителя истицы, Виктор понял, что этот свидетель будет говорить правду; ну ничего – можно будет попробовать словить его на чем-то другом.

Но сложилось все иначе.

Говорил этот свидетель довольно по-простецки, и становилось очевидно, что иногда он как будто бы замалчивает, чтобы не озвучить их, некоторые всем известные слова-связки.

– Ну, я, в общем, друг Карины. Про ее дядю все знаю. Хороший мужик был, но к старости чудной он какой-то стал, странный – наверное, уже впадал в слабоумие.

– Это вы на основании чего такой вывод делаете? – заинтересованно спросила судья.

– Ну как? Ну вот пять месяцев назад мы с Кариной вернулись... в общем... ну... с курорта. Прилетели в Домодедово. Друзья мне машину заранее пригнали, чтобы мы нормально в Москву приехали. А Карина говорит: «Слушай, у меня же дядя в Чертаново – давай заедем поведать его?». Ну, говорю, давай, чего ж не заехать, поведать родственника-то. По пустой ночной дороге доехали до центра Москвы быстро, поднимаемся, звоним в звонок – открывает дверь старик со спутанными волосами, в каком-то халате, тапочки на ногах разные, никого не узнает – даже Карину не сразу узнал. Правда, она на курорте прическу новую сделала. В общем, дед стал совсем уже никаким.

– Подождите, – остановила его судья. – По ночной дороге?

– Ну да. У нас прилет был в три ноль пять, поэтому мне друзья машину и пригнали. А у деда мы были примерно в пять часов утра.

– Подождите, – вновь сказала судья, смотря на свидетеля, и в ее голосе чувствовалось, что сталь прямо-таки нарастает и холодеет. – То есть вы приехали и в пять часов утра разбудили спящего пожилого человека, и он показался вам странным?

– Ну да, – ответил свидетель, но под прямым звоном металла в голосе судьи его уверенность явно таяла.

Судья смотрела на свидетеля прямо и жестко, молча, и было видно, что под ее взглядом свидетель, явно основательно уверенный в себе мужчина, чувствовал себя ооочень неудобно.

Развязность его точно подтаяла.

Судья сказала, четко проговаривая каждое слово:

– Я вот сейчас как объявлю эксперимент по делу для проверки ваших показаний, свидетель: в один из дней, заранее неизвестный, мы с секретарем судебного заседания придем к вам домой и звонком в вашу дверь разбудим вас в пять часов утра.

Фразу «пять часов утра» судья проговорила предельно четко – разделяя слова. И продолжила:

– Вы не то что тапочки одинаковые не найдете – вы трусы свои долго искать будете, «друг» Карины, – презрительно сказала судья, выделяя слово «друг» (так как рассказ свидетеля не оставлял сомнений в характере их с Кариной «дружбы»). – Вы понимаете, что Карина с вашей помощью устроила провокацию? Но ее здесь нет, а вы стоите на трибуне и рассказываете, как в пять часов утра разбудили пожилого человека, и он – надо же! – показался вам странным.

Мужу явным образом хотелось поскорее отползти с трибуны. Он не мог понять, что он сказал не так, но понимал, что его показания оказались не такими, каким нужно было его сожительнице. И уж точно понимал, что вызвал гнев судьи; не понимал – чем вызвал, но видел, что вызвал.

На его счастье, судья отпустила его.

– Про пять утра есть в протоколе? – уточнила судья у секретаря.

– Да, конечно.

Затем выступал Геннадий Суздалев, сын Дарьи Григорьевны:

– Константин Никифорович был очень сложным в общении человеком, но – однозначно очень надежным и порядочным. Он сам вел дела семьи, собирал все чеки, квитанции, договора и хранил все это в идеальном порядке. Дом они с мамой держали в образцовом порядке. И с ним было очень интересно говорить – на самые разные темы. Причем он умел выслушать собеседника прежде, чем начать высказывать свое мнение. И всякие проходные новости его не интересовали – ему нравилось обсуждать художественные темы, а также исторические, лите-

ратурные. Он до последних дней много читал, причем и перечитывал классику, и читал современных авторов.

– А кто был инициатором бесед? – спросила судья.

– Чаще всего – дядя Костя.

– Он больше слушал – или больше рассказывал?

– Знаете, дядя Костя был такой, что начинаешь с ним как бы на равных разговаривать, он спрашивает – ты отвечаешь, ты спрашиваешь – он отвечает. А потом слушаешь его – и понимаешь, что с высказыванием своего мнения лучше подождать и лучше послушать то, что дядя Костя рассказывает, потому что рассказывал он интересно, и у него было много чему поучиться.

Следующим должен был выступать свидетель со стороны истицы из той крикливой толпы, которую Виктор увидел при входе на этаж – но поскольку никто не зашел, секретарь вышла в коридор и по возвращении сказала, что свидетелей с той стороны нет.

Поэтому завершила эту часть заседания свидетельница со стороны ответчицы:

– Меня зовут Наталья Александровна Балахнина, я подруга Даши – вот она здесь присутствует, Дарьи Григорьевны Суздалевой. Когда они познакомились, Константин Никифорович был уже вдов, и через некоторое время они стали жить вместе. У них было так душевно! Я подружилась и с ним и часто приезжала к ним в гости. Как он пел романсы, аккомпанируя себе на гитаре!

Наталья Александровна даже подняла голову вверх и закрыла глаза, явно вспоминая, как Константин Никифорович пел. Но быстро спохватилась:

– Он пел до конца своих дней.

– Вы это утверждаете?

– Да! Я была у них с Дашей в гостях за четыре дня до его смерти, и он как раз по нашей с Дашей просьбе спел две песни.

– Что вы еще можете рассказать?

– Костя и Даша сдружили всех нас: меня, Павла Васильевича с женой, Николая Викентьевича с женой. Мы ездили на выставки, на концерты, на творческие вечера. Причем билеты всегда организовывал Костя. Нам очень не хватает его, общения с ним.

У свидетельницы появились слезы, она сказала «Извините», торопливо достала платок и вытерла их. Судья тактично подождала полминуты, потом спросила:

– А как складывалось общение?

– Мы общались все на равных. Хотя у Кости была всероссийская и даже международная известность, он никогда не зазнавался этим. И с ним было очень легко и приятно общаться.

Вопросов к ней не было, и судья отпустила ее с трибуны.

После этого было рассмотрено и удовлетворено ходатайство о назначении и проведении экспертизы.

Виктор был очень доволен тем, как прошло это заседание.

У Владимира Синегорова тоже был насыщенный день.

Утром он вместе со своим подзащитным, по счастью, не находящимся под стражей, поехал в следственный отдел, где следователь Меншиков должен был провести допрос. В назначенное время Владимир и его подзащитный постучались в кабинет следователя и зашли туда.

Никита Петрович Меншиков, человек молодой, лет двадцати восьми – тридцати, считался уже опытным следователем, и это придавало ему уверенность в своих силах. Выглядел он солидно и даже внушительно. Ответив на приветствие адвоката и его подзащитного кивком (молча), он показал подзащитному рукой на стул за своим столом, а адвокату сказал:

– Воон там, у двери, стульчик есть – располагайтесь там.

– Хорошо, – сказал Владимир.

Он взял стул, указанный следователем, но поставил его рядом с подзащитным и свободно и уверенно расположился на нем.

Никита Петрович несколько скривился: он не привык, что в его кабинете кто-то не выполняет его указаний. Но с Владимиром Синегоровым он решил не связываться. Тот был известен и медиен, и ему ничего не стоило собрать пресс-конференцию и рассказать о произволе конкретного следователя.

Никита Петрович взял бланк допроса обвиняемого, заполнил формальные пункты, предложив подзащитному Владимиру далее написать все известные ему обстоятельства. Уточнив, нет ли вопросов, далее Никита Петрович продолжил заниматься своими делами, так как дел в его производстве было много.

Подзащитный начал писать, написал, потом взял бумагу, переданную ему Владимиром, и протянул следователю. Тот удивился, так как показания обычно писались обвиняемыми дольше. Но он удивился еще больше, когда прочитал текст: обвиняемый написал, что все известные ему сведения он изложил в протоколе опроса лиц с их согласия, который вел его защитник, адвокат Синегоров В.В., и этот протокол опроса он, обвиняемый, прикладывает к протоколу допроса.

Прочитав это, следователь явно был в ярости – и по его губам Владимир явственно читал все, что тот хотел бы озвучить (но – сдерживался, ибо – адвокат известный и медийный, и может быть пресс-конференция, а портить карьеру из-за какого-то адвокатишки, пусть даже известного и медийного – ну совсем не хотелось).

– Это что такое? Это нарушение предписаний УПК! – едва сдерживая искренний гнев, сказал следователь.

«Тяжело же с ним приходится обычным адвокатам» – подумал Владимир, считывая всю палитру мыслей с лица следователя.

Вслух же он сказал, примирительно:

– Никита Петрович, все, что мой подзащитный мог рассказать – он сообщил мне вчера, когда я проводил его опрос и составлял этот протокол. Скрывать ему нечего. Закону это не противоречит.

Никита Петрович задумался, размышляя над словами защитника, и потом проговорил.

– Ну... пожалуй, что да, это так.

А и действительно: все то же самое обвиняемый мог и написать, и это было бы коряво и плохо читаемо. Да и время сэкономили.

На том и порешили.

А во второй половине дня у Владимира было судебное заседание по гражданскому делу в Бутырском суде. В Москве жил Степан Терентьевич Лесорубов; прославился он тем, что, будучи конструктором, придумал много важных изобретений, отмеченных в том числе и государственными наградами. Фактически он был пенсионером федерального значения, и до последних дней его жизни профильные ведомства обращались к нему за консультациями. Тогда за ним приезжала служебная машина, и на ней же он возвращался домой. Он давно овдовел, детей у него, к сожалению, не было, и он оставил завещание на все принадлежащее ему имущество (а таковым были его квартира в престижном доме и дача) на семью соседей, которые уже много лет искренне дружили с ним и помогали ему.

Эти соседи подали нотариусу заявление об открытии наследственного дела, все шло установленным чередом, но тут вдруг появились представители с доверенностью некоей Клавдии Терентьевны Лесоруб, родившейся и живущей в том же поселке в Томской области, откуда был родом Степан Терентьевич. И они представили решение районного суда Томской области об установлении родства, согласно которому Степан Терентьевич Лесорубов и Клавдия

Терентьевна Лесоруб были родными братом и сестрой, и от рождения у Степана была фамилия Лесоруб, а изменил он ее лишь при переезде в Москву.

И затем представители Клавдии Терентьевны подали в суд иск о недействительности завешания.

Владимир припарковал машину, взял портфель и пошел в здание суда, там поднялся на нужный этаж. Представитель Клавдии Лесоруб уже был там в коридоре, увидев Владимира, недружелюбно смотрел на него. Владимир поздоровался с ним и отошел в сторону. Разговаривать с этим представителем все равно было не о чем.

Когда дело пригласили в зал, оба представителя расположились за противоположными столами.

Сначала представитель истицы пересказал иск.

Затем встал Владимир:

– Ваша честь! Прошу приобщить к материалам дела ответ Томского областного архива, данный на мой адвокатский запрос, о том, что Лесорубов Степан Терентьевич, родившийся пятого июня тысяча девятьсот тридцать пятого года в селе Верхние Луга Томской области – а именно эти дата рождения и место рождения указаны во всех документах Степана Терентьевича – был одним из двух детей своих родителей, Терентия Никодимовича и Антонины Кондратьевны Лесорубовых. Еще у него был старший брат Семен, погибший в годы Великой Отечественной войны. Кроме того, заявляю, что мной от имени моих доверителей подана апелляционная жалоба на представленное судебное решение, и эта жалоба принята к рассмотрению, сроки обжалования восстановлены, и дело уже назначено к слушанию в апелляционной инстанции. И еще заявляю, что мной от имени моих доверителей подано заявление о возбуждении уголовного дела по факту фальсификации доказательств в том гражданском деле, по которому вынесено решение. И в связи с этим ходатайствую о приостановлении разбирательства по этому делу. Вот все упомянутые мной документы.

Говоря все это, Владимир лишь на первых словах смотрел на судью, а потом он пристально смотрел на представителя истицы (которая – некая Клавдия Терентьевна – возможно, даже и не знала, что в районном суде Москвы от ее имени ведется этот судебный процесс). Представитель, не поднимая глаз, напряженно смотрел на стол перед собой. Владимиру даже показалось, что тот дрожит.

Владимир передал документы судье.

– Ваше мнение? – спросила судья представителя истицы.

Тот встал и неровным голосом сказал:

– Уважаемый суд, можно мне позвонить клиенту?

– Хорошо. Перерыв пять минут.

Судья встала, собрала бумаги и ушла в совещательную комнату.

Представитель истицы после этого вроде бы стал набирать на телефоне номер – а потом вдруг подхватил все свои бумаги и портфель и выбежал из зала.

Владимир и секретарь суда непонимающе переглянулись.

Ровно через пять минут судья вернулась в зал и тут же заметила отсутствие другой стороны:

– А где представитель истицы?

– Возможно, он сбежал, – позволил себе прокомментировать ситуацию Владимир.

Судья немного удивилась такому объяснению, но видя, что секретарь кивает, поняла, что так и есть.

– Полина, – обратилась судья к секретарю, – сходи, пожалуйста, вниз, узнай – ведь он должен был сдать жетон, выданный ему на входе.

Полина пошла. Судья и Владимир остались в зале. Судья сказала ему:

– Вы молодец, окружили ту сторону, как волка красными флажками.

– Спасибо. Стараюсь. Очень не терплю любые фальсификации, – ответил Владимир с легким поклоном.

Полина вернулась довольно быстро:

– Он покинул здание суда.

– А, вот как, – подняла брови судья. – Тогда отметить в протоколе, что за время перерыва, предоставленного по его ходатайству, представитель истицы покинул здание суда – и потом возьми у приставов справку об этом в дело. Так, суд, совещаясь на месте, определил – ходатайство представителя ответчиков адвоката Синегорова о приостановлении производства по делу удовлетворить.

И потом уже, полуофициально, судья сказала Владимиру:

– Давайте, постарайтесь, успеха вам. Я тоже очень не люблю фальсификации.

– Спасибо! Буду стараться.

Виктор приехал на встречу в офис, где его ждала дама, обратившаяся к нему за помощью. Когда она звонила накануне, чтобы записаться на консультацию, она представилась секретарю как Надежда Максимовна Игнатьева.

Войдя в переговорную, он увидел даму лет шестидесяти – шестидесяти пяти, очень ухоженную, но явно переставшую придавать значение своей внешности. То есть она уже начала стареть и явно не желала ни скрывать старение, ни бороться с ним. Выглядела она очень по-доброму, по-домашнему, и при этом чувствовалось, что она то ли растеряна, то ли испугана – или и то, и другое сразу.

После знакомства Надежда Максимовна начала свой рассказ, причем говорила она складно, но как-то неуверенно, как будто бы сама сомневалась, что ей стоит оказывать помощь:

– Вы знаете, две недели назад умер мой младший брат Николай Максимович Краснокрутов. Я много лет жила вместе с ним, он мой самый родной человек. Когда он двадцать лет назад овдовел, мать его жены заявила ему, что если он не женится вновь, то она не будет выделять супружескую долю своей дочери – чтобы все потом досталось его дочери, Татьяне. Он во время брака создал бизнес, бизнес пошел хорошо, стал развиваться, и ему не хотелось разделять его, поэтому он вынужден был согласиться с требованием своей тещи. Он не женился, отношения у него с женщинами были, но недолгие, и он так больше и не женился. Когда его жена умерла, Таня была маленькой, пяти лет, и растила ее тоже та бабушка, и она жила у нее. И тогда же бизнес Коли пошел в гору, стал укрупняться, и делить его он уже не хотел. Сейчас компания его стала крупной, известной, а начинал он с маленького магазина.

Синегоров знал эту компанию, поскольку ранее он успешно провел в ее интересах несколько арбитражных дел. Именно топ-менеджеры той компании попросили его помочь сестре их умершего владельца: из уважения к его памяти они хотели защитить ее.

Надежда Максимовна сделала паузу, а потом продолжила:

– А потом он уже и не стремился создавать семью, так и жили мы с ним, два старика, брат с сестрой. Я в его дела не лезла, дом обустраивала, и он обеспечивал и нас, и Таню. Бабушка ее долго прожила, до взрослого возраста ее дотянула, а потом Таня уж сама жить стала, отдельно. Коля ей квартиру купил.

После еще одной паузы Надежда Максимовна добавила:

– У меня семьи уже не было, муж умер рано, мои дети – их у меня двое – уже взрослыми стали, поэтому я жила с Колей, обеспечивала ему быт, а он работал – управлял своим бизнесом.

Надежда Максимовна замолчала, явно собираясь с мыслями для дальнейшего повествования. Виктор понимал, что она подступает к самой проблеме, и ей становится трудно говорить, поэтому тактично молчал, чтобы не торопить ее.

Ему показалось, что у Надежды Максимовны появились слезы на глазах. Она продолжала:

– И хоронила Колю я сама, Таня просто пришла на похороны.

Но она тут же вытерла слезы, как-то вся внутренне собралась и сказала:

– И вот позавчера ко мне заявила Таня, которой уже двадцать пять лет, и заявила, чтобы я выметалась из квартиры, потому что она единственная наследница обоих своих родителей, и здесь все ее. И она мне дала срок неделю, чтобы выехать из квартиры. Если через неделю не покину квартиру – она сказала, что выселит меня с полицией.

Виктор видел, что его собеседнице все труднее говорить. Но она нашла силы продолжать:

– Я знаю, что Таня – единственная наследница Коли, и все должно достаться ей: и бизнес, и квартира, и загородный дом, и машина. Все ее. И я уеду из этой квартиры. Но сейчас мне некуда уезжать. Дети взрослые, у всех свои семьи, не нужна я им. Может, вы поговорите с Таней, чтобы она дала мне немного пожить в квартире Коли?

Итоговая просьба Надежды Максимовны удивила Виктора. Слушая ее повествование и делая записи по нему, о фактических обстоятельствах, он как раз прикидывал юридические варианты помощи ей – а оказалось, что она просила скорее о психологической и представительской помощи.

Он спросил:

– Завещания ваш брат не оформлял?

– Нет, не составлял. Зачем оно ему? Таня – его единственная дочь, единственная наследница, он весь свой бизнес создавал и строил, чтобы ей передать.

Виктор посмотрел на свои записи, взвешивая и соотнося все обстоятельства, обдумывая их, и потом медленно проговорил:

– Надежда Максимовна, а вы не хотите стать сонаследником имущества брата и унаследовать половину его бизнеса?

Собеседница сильно удивилась и замахала рукой:

– Каким образом? Я знаю, что не могу унаследовать имущество брата, так как у него есть дочь. Нет-нет – не хочу! Мне бы просто пожить в квартире брата, пока я не смогу куда-то обустроиться. Потом мои дети помогут мне.

– Вы жили за счет брата? Он вас всем обеспечивал?

– Да. У меня есть пенсия, но так как Коля оплачивал все нужные нам с ним покупки, моя пенсия накопилась на сберкнижке, теперь буду жить за счет нее.

Виктора по-доброму умилило использование собеседницей старинного слова «сберкнижка». Его ровесники и даже люди постарше, пользуясь банковскими картами, это слово уже основательно подзабыли.

– Надежда Максимовна, я должен сказать вам, что если вы, будучи уже пенсионеркой, жили вместе с братом, в его квартире, и жили за счет денег брата, вы являетесь его иждивенцем.

Видя, что собеседнице было несколько неприятно слышать слово «иждивенец» в отношении себя (ее как бы даже немного передернуло из-за него), он поспешил уточнить:

– Не смущайтесь, это юридический термин. Он означает, что вы находились на полном содержании своего брата, и вследствие этого вы являетесь его наследником по закону – наряду с его дочерью.

Надежда Максимовна задумалась; видно было, что эта информация для нее нова. Виктор не торопил ее с ответом.

Наконец, собеседница сказала:

– Нет, я не вправе наследовать имущество Коли. У него есть родная дочь, и он всю жизнь работал, чтобы оставить ей наследство. Нехорошо мне отнимать наследство у племянницы.

– А Татьяна часто общалась с отцом? – неожиданно спросил адвокат.

– Нет, не часто, – с грустью произнесла Надежда Максимовна. – И Коля переживал из-за этого. Но он мне говорил, что она молодая, вот она занята учебой в школе, вот она занята учебой в институте, вот у нее встречи с друзьями – в общем, он понимал, что ей некогда при-

ездать к нему. Звонила раз в неделю – и то он был рад. Потом он надеялся, что она выйдет замуж, родит ему внуков, и тогда будет больше общения.

– Она уже вышла замуж? – поинтересовался адвокат.

– Да, вышла, три года назад. И сына уже родила. Назвала его Степаном в честь своего деда по матери. Бабушка ее очень просила так назвать. Коля огорчился, но не стал ничего говорить ей.

– Общения стало больше?

– Да нет, – махнула рукой Надежда Максимовна. – Но Коля говорил, что ей теперь нужно за маленьким сыночком ухаживать, и вот подрастет тот – и будут они с ним больше приезжать к нам.

И еще она добавила:

– И денег у отца Таня стала больше просить: мол, расходы увеличились. А Коля и рад был давать ей денег и на нее, и на ее сына, и для ее мужа – он не работает.

– Давайте так, – решительно подытожил Виктор. – Я по вашему поручению встречусь с Татьяной Николаевной, поговорю с нею, и дальше будем решать, как действовать.

У Владимира неожиданно зазвонил телефон.

– Алло, – хмуро ответил он (он всегда отвечал на телефонные звонки хмуро).

– Владимир Всеволодович? Здравствуй.

– Здравствуй, – по-прежнему хмуро ответил Синегоров.

– Это Красов, Анатолий Геннадьевич, защитник Рогаткина.

Владимир был представителем бизнесмена Чернокомова, у которого Рогаткин по разным договорам выманил имущества на сто пятнадцать миллионов шестьсот тысяч рублей. По заявлению Чернокомова было возбуждено уголовное дело. Усилиями Владимира в качестве представителя Чернокомова как потерпевшего, плотно интересовавшегося расследованием этого дела, расследование шло довольно энергично. Рогаткин был помещен под стражу. Другого варианта не было, так как его задержали в аэропорту Шереметьево за полчаса до вылета его самолета. У него на руках были билеты до Доминиканы, а оттуда – в Венесуэлу.

И вот звонил защитник Рогаткина. Приходилось отвечать.

– Да, слушаю вас, Анатолий Геннадьевич, – ответил Владимир.

– Мы можем с Вами встретиться?

– Для чего?

– Мой подзащитный уполномочил меня вести переговоры о компенсации вреда, в причинении которого его обвиняют.

– То есть он признает свою вину?

– Нет, – уклончиво ответил Красов. – Но надо сдвигать дело с мертвой точки.

– Рогаткин готов вернуть моему клиенту всю сумму – сто пятнадцать миллионов шестьсот тысяч?

– Ну... – замялся с ответом адвокат Красов. – Ну не сразу.

– О чем мы будем говорить? – сухо спросил Владимир.

– О выплате суммы, о сроках ее выплаты.

Владимиру было очевидно, что обращение этого адвоката какое-то мутное. Но если интересы его доверителя могли быть как-то защищены – он готов был встречаться.

Договорились о встрече в его офисе, хотя Красов всячески хотел встретиться на нейтральной территории. Но Владимир проявил свою железную непреклонность: если встреча – то только в его офисе, и Красову пришлось согласиться.

В назначенное время Красов приехал в офис Владимира, и они расположились в переговорной.

Адвокат Красов выглядел немного странно, как-то противоречиво: с одной стороны, он был довольно представительным (но каким-то нескладным), по внешности – ярким, явно заметным, довольно громким, но, с другой стороны, он выглядел (или даже стремился выглядеть) каким-то приглушенным, приневзрачным, чтобы не выделяться.

После всех формальностей: обмена визитками, заказа секретарю чая или кофе – Владимир сухо и официально сказал, стремясь быстрее перейти к сути встречи:

– Слушаю Вас, Анатолий Геннадьевич.

– Владимир Всеволодович, мой подзащитный хочет договориться с Чернокомовым.

– Он готов вернуть сто пятнадцать миллионов шестьсот тысяч рублей?

– Ну, тридцать миллионов и еще пятнадцать миллионов мы оспариваем в арбитражном суде, – напомнил Красов.

– Хорошо. А остальные семьдесят миллионов? – спросил Владимир.

– Ну, у моего подзащитного сейчас таких денег нет.

– Тогда что мы здесь обсуждаем? – не просто сухо, а строго спросил Владимир.

– Ну, мой подзащитный располагает определенными средствами, и ему должны быть поступления. Ему помогут.

– Когда и какие суммы Рогаткин готов выплачивать моему доверителю? – сухо спросил Владимир. – Мне нужно все передать моему доверителю.

– Ну, вот предлагаемый нашей стороной график выплат, – сказал Красов и передал Владимиру лист с таблицей.

Пока Владимир всматривался и вчитывался в эти цифры, Красов подвинулся к нему ближе и сказал приглушенно:

– Владимир Всеволодович, а можно обсудить еще один вариант: Рогаткин заплатит вам пятнадцать миллионов, чтобы дело Чернокомова вы вели не так активно.

Владимир, услышав это, молча поднял голову от листа бумаги в сторону Красова, секунд десять молча смотрел на него, а потом не сказал и даже не заорал – а зарычал:

– Вон отсюда!!!!

И поскольку одновременно с этим Владимир стал вставать из-за стола, мощно возвышаясь над Красовым, тот как-то сжался от настоящего страха – настолько грозен был вид Владимира.

– Пошел вон отсюда, гнида!!!! – орал Синегоров.

Вот реально казалось, что он сейчас просто врежет своим кулачищем по скуле Красова – настолько он был разъярен предложением подкупа, сделанным тем.

Красов стал спешно собираться и встал со стула, чуть было не упав с него, споткнувшись о его ножку.

Владимир продолжал рычать:

– Вон отсюда, *****, *****!!!! Никто, *****, никогда не смел подкупать адвоката Синегорова! Мразь! ***** отсюда! Пошел, *****, ** ***, вон отсюда! А то вь*** тебе, *****, ** *****, ** ***!

Владимир не мог сдерживаться – не все слова были цензурными.

Красов стремительно подхватил все свои вещи и выбежал из переговорной.

Владимир уселся на стул, тяжело дыша от возмущения. Понятно, что он не стал преследовать Красова, хотя ему и очень хотелось врезать ему по его наглой подкупательной роже.

Ему потребовалось минут десять, чтобы успокоиться: настолько он был возмущен, буквально взбешен тем, что его пытались подкупить, чтобы он плохо оказывал помощь. Сейчас он вообще удивлялся, как смог сдержаться и не врезать этому мерзавцу Красову. Но хорошо, что сдержался: было бы очень обидно потом пострадать из-за этого подонка.

Он пошел из переговорной в свой кабинет (все сотрудники, не зная подробностей, но хорошо зная характер своего шефа, предпочитали вжиматься в стенки или вообще скрыться

от его взгляда), там достал бутылку виски, налил стакан и залпом выпил. Потом еще раз налил и еще раз выпил – тоже залпом, чтобы окончательно успокоиться. Тянуть виски в таком состоянии он не мог. Если нужно будет делать поездки, он решил поехать с водителем.

Позднее, когда он вышел из кабинета, сотрудники рассказали ему, как они услышали его рык, а после этого из переговорной прямо-таки вылетел посетитель. Они, зная характер шефа, даже подумали, что Владимир придал ему ускорение ударом по задку: настолько быстро и коряво, спотыкаясь, он бежал.

Виктор позвонил Яну Всеокскому, представился, сказал, что представляет интересы Татьяны Тулуповой, и предложил встретиться. Встречу в адвокатском офисе тот мягко, но все-таки отклонил и предложил встретиться в небольшом ресторане в центре Москвы.

По пути от машины до ресторана Виктор размышлял, как построить беседу по такому деликатному делу.

Казалось бы – сошлись мужчина и женщина, сблизилась, она забеременела, решила сохранить ребенка. От мужчины будущая мать ничего не требовала: ни жениться на ней сейчас, ни платить алименты в будущем. Почему же Всеокский так грязно поступает в отношении нее? Или он чего-то опасается с ее стороны? Адвокатский и житейский опыт Синегорова подсказывал ему, что от такой женщины, как Татьяна Тулупова, не стоит опасаться каких бы то ни было подлостей. Тогда чего хочет Всеокский? Если бы он хотел признать сына, то вопрос о фамилии можно было бы поставить позднее. Да и по-другому можно и нужно было ставить вопрос о присвоении сыну его фамилии: мирно, договариваясь, предлагая – а не идя в суд с иском так, чтобы женщина узнала о судебном процессе из судебной повестки.

Мамаша его, что ли, накрутила? Наверняка: единственный сын у матери, находящейся в разводе уже десятилетия три – не меньше. Она всю жизнь на него положила, а он, мол, так вот и так.

А он, наверное, вырвался ненадолго из-под пристально-опекающего крыла мамочки, да на радостях и расслабился.

Судя по всему, Всеокский и его мать могли оказаться людьми по-своему порядочными – но такой порядочностью, которая ни с чем и ни с кем не считается.

Ну, посмотрим сейчас.

Когда он приехал и подошел к столику и поздоровался с собеседником, у Яна уже был и заказан, и даже оплачен его кофе.

Выглядел он очень опрятно, с аккуратной ровной прической, одет был модно: неброско, но стильно и явно дорого. Помимо врожденной точности, пунктуальности и взвешенности слов и действий в нем чувствовалась какая-то уверенность победителя, привыкшего, что все происходит так, как ему надо. Еще было видно, что он не готов считаться с кем-либо, кроме себя самого. Но в то же время в нем чувствовалась какая-то несамостоятельная основа, как будто бы при всей своей внешней уверенности он был внутренне зависим от кого-то, вынужден учитывать чье-то мнение. Теперь, увидев Всеокского, Виктор уверенно предположил, что этот кто-то – действительно мама Яна. Если это так, если это предположение верно, Виктор был убежден, что мама держит Яна крепко. Но, по наблюдениям Синегорова, такие сыновья и не сопротивлялись зависимости от мам, тем более мамы всегда говорили им, что они – самые лучшие: самые умные, самые красивые, самые сильные, самые способные. Из-за подобной психологической установки такие сыновья нередко многого добиваются в жизни, но зачастую остаются одинокими, потому что любящие мамы растят из них эгоистов (а то и вообще растят их для того, чтобы эти любящие сыновья были только с ними – любящими их мамочками).

Виктор поздоровался, предъявил свое адвокатское удостоверение и доверенность от Татьяны, тоже заказал кофе и сразу перешел к беседе:

– Ян, моя доверительница уполномочила меня узнать, зачем вы подали этот иск? Чего вы хотите добиться?

– Того, что указано в иске – установления моего отцовства и изменения мальчику фамилии на мою, чтобы он был Михаил Янович Всеокский.

– Но вы настаиваете на экспертизе! Вы же знаете, что это ваш ребенок!

– Ну, да, – немного смутился Ян, но в целом он по-прежнему держался довольно уверенно. – Но я все-таки хотел бы убедиться.

– Ну почему?

– Ну, знаете, я работаю в сфере точных услуг – в банке – и поэтому привык все проверять и перепроверять.

– То есть словам Татьяны Борисовны, жившей с вами все предыдущие до беременности месяцы, вы не доверяете?

– Ну... нет. Нужно документальное подтверждение.

– Понятно, – сказал Виктор, – с этим понятно. Но почему для вас так важна фамилия?

– Ну, Вы же знаете, наша национальная традиция – фамилия по имени отца. Если окажется, что это мой сын, то он может стать продолжателем нашего рода, Всеокских.

Виктор не мог не отметить, что Ян Всеокский даже в случае подтверждения родства сына с ним не утверждает, что этот мальчик *станет* продолжателем их рода. Он аккуратно сказал, что он *может стать*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.